

МЕТАФОРА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЯХ И ИНТЕГРАЦИЯ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

И.И. Степанченко**МЕТАФОРА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЯХ ТА ІНТЕГРАЦІЯ НАУК ПРО ЛЮДИНУ**

Успіх розвитку антропоцентризму як інтегрованої лінгвістичної парадигми можливий лише за умов узгодження методологічних постулатів різних наук. Метафоричність деяких лінгвістичних дефініцій не сприяє процесу інтеграції.

Ключові слова: метафора, дефініція, методологія, інтеграція, антропоцентризм.

И.И. Степанченко**МЕТАФОРА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДЕФИНИЦИЯХ И ИНТЕГРАЦИЯ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ**

Успешное развитие антропоцентризма как интегрированной лингвистической парадигмы возможно лишь при согласовании методологических посылок разных наук. Метафоричность ряда лингвистических дефиниций препятствует процессу интеграции.

Ключевые слова: метафора, дефиниция, методология, интеграция, антропоцентризм.

I.I. Stepanchenko**THE METAPHOR OF THE LINGUISTIC DEFINITIONS AND THE INTEGRATION OF HUMAN SCIENCES**

The successful development of anthropocentrism as an integrated linguistic paradigm is possible only if the concordance of different sciences' methodological assumptions is achieved. The metaphorical nature of some linguistic definitions prevents the process of integration.

Keywords: metaphor, definition, methodology, integration, anthropocentrism.

Обращение к метафоре в научном познании мира рядом ученых признается вполне обоснованным и правомерным [5]. Как известно, метафора возникает при вторичной номинации явления на основе его сходства с другими явлениями. Сравнение – универсальный способ познания мира: все познается в сравнении.

Закономерно предположить, что метафорические дефиниции наиболее частотны в случаях, когда объект изучения носит идеальный, моделируемый характер. К числу таких объектов, безусловно, относится язык. Поэтому обращение к метафоре при попытке определить то или иное лингвистическое понятие – явление нередкое. Онтологический статус языка во многом определяется методологическими установками той парадигмы, в рамках которой он рассматривается. В конечном счете методологические установки – это включение языка в систему связей с равновеликими мирами мышления и внеязыковой действительности. Эти связи в разных лингвистических парадигмах осмысливаются по-разному и соответственно по-разному описываются коммуникативная функция языка, связь формы и содержания языковой единицы, очерчиваются границы языкового и неязыкового и т.д. В связи с этим, на первый взгляд, наивный детский вопрос «А как это на самом деле?» может быть рассмотрен как некорректный.

Действительно, кажется, что достаточно задать исходные параметры (аксиомы) в соответ-

ствии с принятой методологией и избежать внутренних противоречий в построении модели, чтобы такая модель могла быть положена в основу исследования. При этом вопрос о соответствии исходных параметров свойствам моделируемого объекта часто считается некорректным, поскольку объект носит идеальный характер: «Каждая лингвистическая парадигма – структурная, функциональная, коммуникативная, когнитивная и др. – объясняет устройство языка через свои специфические модели» [2, с. 26]. С этой точки зрения метафорическая модель имеет не меньшую познавательную ценность, чем неметафорическая. Правда, в случае построения метафорических моделей возникает опасность развивать науку не как средство познания мира, в том числе и мира человеческого мышления, а как средство построения множественных, внутренне не связанных друг с другом моделей, достаточно далеких от объекта познания.

С точки зрения других ученых, в частности И.В. Полозовой, «для современной лингвистической философии остаётся весьма актуальной проблема различения метафорических и буквальных выражений. Так, А. Гоутли формулирует различия между метафорой и буквальными выражениями в виде ряда пунктов, считая характерными особенностями буквальных выражений приблизительное сходство, конвенциональность, наличие обозначения, непротиворечивость, точность, в то время как в числе присущих метафоре черт им назы-

ваются удалённое сходство, неконвенциональность, отсутствие обозначения, противоречивость, неточность» [8].

Представляется, что эта точка зрения ближе к истине. Установление связи между познанным и непознанным явлениями, указание на сходство между ними, видимо, лишь начальная ступень процесса познания. Более глубокое проникновение в сущность, скрываемую за явлением, как правило, означает включение предмета в разнообразные связи с множеством других явлений. Таким образом, метафорический характер дефиниции свидетельствует о недостаточной изученности явления.

В современной науке отношение к метафорическим дефинициям различно. Так, например, В.Б. Кашкин и Д.Г. Шаталов отмечают, что «в XX веке влияние науки на другие сферы человеческого познания проявилось с особой, даже иногда агрессивной жесткостью. Это влияние не всегда получало положительную оценку, науке не всегда отдавалось особое предпочтение: В.В. Налимов так писал о мифе и метафоре в науке: наука не спасает от мифа, она лишь создает новую мифологию в каждой новой парадигме» [4].

Является ли деметафоризация метафорических дефиниций ответом на вопрос «А как это на самом деле?» По всей видимости, нет. И в этом смысле полностью можно согласиться с высказыванием А.Ф. Лосева: «Когда «наука» разрушает «миф», то это значит только то, что *одна мифология борется с другой мифологией*» [7, с. 21].

Однако каждый факт деметафоризации (демифологизации) в то же время – приближение к реально существующему, хотя и носящему идеальный характер объекту. Степень такого приближения определяется степенью изученности, познанности объекта не только лингвистикой, но и смежными науками.

Происходящая в современной лингвистике смена научных парадигм, развитие антропоцентризма, стремящегося к глобализации, интегрированию научных исследований, объектом которых является человек, в частности, развитие альтернативной функциональной парадигмы (см., например, [9]), позволяет деметафоризировать некоторые дефиниции.

Данная статья преследует цель рассмотреть несколько устоявшихся однопорядковых метафорических дефиниций, которые носят глобальный, методологический характер: *слово имеет определенное значение, предложение выражает смысл, текст передает содержание, язык формирует картину мира человека.*

Однопорядковость отмеченных дефиниций связана с одним и тем же фактором – включением слова в ряд антропоморфных явлений, приписыванием ему свойств, присущих живому существу. Утверждая, что в слове заключено определенное

содержание (грамматическое и лексическое значения), мы забываем, что это утверждение метафорично, осмысливаем его буквально, считая, что значение локализовано в буквенно-звуковой форме, заключено в ней. Не рассматривая вопроса о том, что представляет собой лексическое значение, насколько справедливо отождествление значения с понятием и т.п., отметим его такой бесспорный признак, как идеальный, мыслительный характер. Мысль, будучи функцией мыслящего мозга, не может быть выведена за его пределы. Мысль по природе своей – процесс, протекающий в коре головного мозга. «Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс», – писал А.А. Леонтьев [6, с. 8]. «Соединение» материи слова (буквенно-звуковой формы) и мыслительного процесса вне человека невозможно. Слово «произрастает смыслами» только в сознании человека: отражение формы слова (вербальный образ) включается в мыслительные динамические структуры наряду с другими вербальными образами и образами явлений действительности («предметными» образами).

В основе рассматриваемой метафоры лежит характерное, по словам Б.М. Гаспарова, как для структурализма, так и для предшествующего ему позитивизма непонимание того, что «что “истинная сущность” предмета не существует “в себе и для себя”, но неотделима от позиции субъекта по отношению к этому предмету и изменяется вместе с этой позицией» [1, с. 28].

Не менее метафорична и теория кодирования содержания в слове, основанная на уподоблении процесса передачи информации в кибернетических устройствах процессу общения людей. Сам термин «кодирование» представляется неудачным, поскольку в современной лингвистике он используется чаще всего неопределенно, не строго, в отличие от классического его использования в теории И.В. Арнольд как термина теории информации. Анализ подхода И.В. Арнольд с функциональной точки зрения см. в [10].

На первый взгляд, сказанное очевидно и признается даже авторами исследований, весьма далеких от идей антропоцентрической парадигмы. Так, В.М. Солнцев в книге «Язык как системно-структурное образование» отмечал: «Представлялось важным разъяснить метафоричность таких терминов, как «сообщение», «передача» мысли. Мысль не передается в прямом смысле, она с помощью чувственно воспринимаемых языковых знаков, произведенных говорящим, лишь возбуждается и формируется в голове слушающего» [11, с. 4]. Однако, когда рассматриваются более протяженные единицы (предложение, текст), метафора о «заложенности» идеального содержания в материальную форму, их связи вне воспринимающего и создающего речевые единицы субъектов, воз-

никает вновь.

Одним из ярких примеров таких синтаксических дефиниций является одно из определенных предложения, до недавнего времени бытовавшее и в школьной, и в вузовской грамматике: «предложение – это слово или группа слов, выражающих относительно законченную мысль». Его метафоричность не позволяет понять сути явления. Действительно, что такое мысль? Что является показателем ее законченности (абсолютной или относительной)? И наконец: каким образом написанное или звучащее предложение вообще способно выражать мысли подобно человеку? Такое определение учащиеся в лучшем случае могли механически зазубрить, поскольку понять его невозможно.

Наибольшие возражения обычно вызывает тезис о том, что содержание буквально не заложено в тексте. Под содержанием, как правило, подразумеваются образы, понятия, эмоции, т.е. функции деятельности мозга. Вопрос о том, где и как локализована связь идеального содержания с материальной формой (буквами и звуками), в этой метафорической дефиниции не ставится. Метафора «воспринимать содержание текста», т.е. буквально извлекать его из буквенно-звуковой формы, – проявление уже называвшейся ранее антропоморфности текста, ибо деятельность мозга (содержание текста) неотделима от самого мозга подобно тому, как ходьба неотделима от ног (пример Э. Ильенкова). Попытка в процессе анализа текста дать ответ на вопрос, что хотел сказать автор, предпринимается в большей части исследований по языку художественных произведений. Эта метафора была демегафоризирована психолингвистами («вне акта восприятия текст представляет собой мертвую цепочку графем», – отмечает А.А. Залевская [3, с. 24]).

Наиболее распространенной метафорой является утверждение: в материальной форме текста закодировано определенное содержание средствами языка. В основе этой метафоры лежит тот факт, что, несмотря на индивидуальные различия в восприятии, текст, например, о кислороде не может восприниматься как текст об отдыхе в Крыму. Термин «кодирование» обозначает «перевод» информации из одной системы обозначающих в другую. Буквально кодирование возможно лишь при условии жесткой поэлементной связи единиц одного и другого кода. Если говорить о мышлении (в широком смысле) и о словах, то жесткой однозначной связи между ними нет. Прочитанное или услышанное слово возбуждает, генерирует в сознании воспринимающего мысли, образы и эмоции, которые были заложены в его памяти, связаны с его (воспринимающего) опытом. В сущности, содержание любого текста существует лишь во множестве индивидуальных актов восприятия. При этом степень стабильности и вариативности содержания определяется, во-первых, степенью сходства

и различий в опыте разных воспринимающих, во-вторых, степенью сложности организации буквенно-звуковой формы текста.

Демегафоризация определения статуса содержания текста и подобных утверждений связана с интеграцией наук. В филологии значительная часть дефиниций противоречит данным психологии и философии. Этот разрыв приводит к приближенности, метафоричности ряда лингвистических дефиниций и в конечном счете не идет на пользу развитию филологии. Преодолеть этот разрыв позволит лишь согласование методологических установок разных наук в рамках единой интегрированной научной парадигмы. Видимо, в этом заключается одна из задач зарождающегося антропоцентризма в лингвистике.

Прямым следствием имплицитного признания антропоморфности текста является определение языковой картины мира как представлений о мире, «навязанных» человеку языком: «понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) что картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки» [13]. Не «передавая» в буквальном смысле своего содержания, язык не может «формировать», «навязывать» человеку представления о мире, концептуализировать мир. Свойства, приписываемые языку, гораздо точнее отнести к сфере национальной культуры, национальных свойств мышления и т.п., рассматривая язык как вторичное по отношению к мышлению и миру явление (подробнее см. об этом в [12]).

Таким образом, метафоризация ряда лингвистических дефиниций является следствием отсутствия согласованности методологических посылок лингвистики и ряда смежных с нею наук. К сожалению, развитие антропоцентрической парадигмы в современном языкознании, провозгласив курс на интеграцию наук о человеке, на превращение науки о языке в раздел человековедения, пока в полной мере не решило эту задачу. Обращение к проблеме демегафоризации лингвистических дефиниций еще раз подтверждает актуальность разработки методологических основ лингвистических исследований как важного аспекта методологии интегрированной науки о человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996.
2. Гришаева Л.И. Теория языка /Л.И. Гришаева. – Воронеж, 2011
3. Залевская А.А. Понимание текста как актуальная психолингвистическая проблема А.А. Залевская // Литературный текст: проблемы и

методы исследования. – Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1987.

4. Кашкин В.Б., Шаталов Д.Г. Метафора как средство активного познания / В.В. Кашкин, Д.Г. Шаталов // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 4. Воронеж: ВГУ, 2006. [Электронный ресурс]. Адрес доступа; http://lse2010.narod.ru/y_a_z_i_k_k_o_m_m_u_n_i_k_a_t_s_i_y_a_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_4/

5. Кузьмина М.А. Метафора как элемент методологии современного научного познания / М.А. Кузьмина // Социологические исследования. – 2006. – № 2.

6. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения / А.А. Леонтьев // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971.

7. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994.

8. И.В. Полозова. Метафора как средство философского и научного познания / И.В. Полозова: Автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. – М.,

2003. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.dissercat.com/content/metafora-kak-sredstvo-filosofskogo-i-nauchnogo-poznaniya>

9. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке / М.Н. Правдин. – М.: «Вдохновение», 1991.

10. Правдин М.Н., Степанченко И.И. Текст в акте коммуникации: к проблеме кодирования содержания / М.Н. Правдин, И.И. Степанченко // Русская филология. Украинский вестник. – Харьков, 2004. – № 1-2 (25).

11. В.М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: «Наука», 1977.

12. Степанченко И.И. О языковой картине мира: к проблеме демегафоризации дефиниций в лингвистике / И.И. Степанченко // Русская филология. Вестник ХНПУ. – Харьков, 2011, № 1-2.

13. Языковая картина мира. – «Кругосвет» ©.Энциклопедия,2001[Электронный ресурс]. Адрес доступа: www.rol.ru